

Ольга Брюс

Полночь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Брюс

Полночь

«Автор»

2023

Брюс О.

Полночь / О. Брюс — «Автор», 2023

Лена вышла замуж по любви и моментально попала в рабство свекрови, которая возненавидела её из-за наличия ребёнка. Свекровь искусно плела интриги, обучая сына, как нужно воспитывать жену, чтобы та была покорной и не прекословила. Родив второго ребёнка, Лена узнала страшную тайну, связанную с ней и её семьёй.

© Брюс О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Брюс

Полночь

Глава 1

– Тс-с-с, спи, папка пьяный пришёл. Закрывай глазки и притворись, будто спишь.

– Я не хочу спать, я к маме хочу.

– Туда нельзя. Папка сейчас маму будет воспитывать, а ты спи.

Василий сидел на диване перед телевизором в одних семейных трусах и громко ржал, отвратительно почёсывая промежность и вытирая соплю этой же рукой, которая только что блудила между его ног. После рука с соплями проносилась над головой его жены Лены и опускалась за спинку дивана. Ловкое движение вниз-вверх позволяло зелёной жиже повиснуть на мягкой обивке, и Игорь внезапно обретал внутреннее удовлетворение, испачкав мебель и зная, что его белобрысая курица чуть позже возьмёт тряпку, отодвинет диван и вымоет болотную слизь. Лена сидела рядом, потому что так хотел её муж, от которого несло тухлым мясом вперемешку с кислым молоком – так пах вчерашний перегар, дополненный пачкой папирос и свежим пивом «Жигулёвское», подаренное соседом Петькой за распилил нескольких берёзовых брёвен, приготовленных для растопки русской печи.

На часах 17:53, пора готовиться к уходу властного мужа, мыть его харчки на полу, двигать диван, готовить ужин и кормить домашнюю скотину, которая нужна только Лене, малолетним дочкам и коту Барсику, любящему свежее молочко и серых мышек в сарае, притаившихся в соломе. Поднимаясь с дивана, Лена не смогла сдвинуться с места, потому что Вася схватил её за подол халата и направил ужасающий взгляд прямо в спину. Чувствуя, как нетрезвые глаза сверлят между лопаток, Лена обернулась.

– Когда вернусь, чтобы дома была. Поняла? – хриловатый голос вонзился в левое ухо, и Лена кивнула головой.

Отпустив ткань, Вася весело шлёпнул ладонью по мягкой обивке и улыбнулся клоуну, кривляющемуся на голубом экране. Выходя из комнаты, Лена тяжело вздохнула:

– Опять напьётся. Он всегда напивается, когда весёлый... А весёлый он почти каждый день.

Вытащив из навесной полки большую кастрюлю, женщина собралась чистить картофель, чтобы сварить щи, но вспомнила, что обещала детям гороховый суп.

– Надо было в ночь залить горох водой, – понимая, что горох не размякнет за пару часов, она всё же пошла в сени за кочаном капусты.

Дети, Катя и Люда, сидели в своей крохотной комнате и играли в «дочки-матери», тихо так, чтобы папку не беспокоить. Он не любит, когда в доме шумят. Лучше переговариваться шёпотом, чтобы ему не мешать, а ещё лучше молчать, тогда папка не прибежит и не будет кричать, дабы все заткнулись.

– А вот и я-а-а! – задорный мужской голос донёсся из телевизора, и мужчина в клоунском облики растопырил ноги и слегка присел, разведя при этом руки.

– Аха-ха-ха! – захлёбываясь истерическим смехом, Вася несколько раз ударил диван и замотал головой, пытаясь не задохнуться.

Вдруг он замолчал и посмотрел на часы с кукушкой. Ровно шесть. Шесть вечера. Потянувшись, Вася зевнул, открыв рот до ушей, и вытер большими пальцами проступившие слёзы. Вновь пошурудил рукой в стареньких трико и выключил телевизор.

– Можно мы мультики посмотрим? – старшая дочь Катя приоткрыла дверь, услышав, как в большой комнате стало тихо.

– Телевизор детям не игрушка, – строго сказал отец и дал команду скрыться. – Брысь! Втянув губы, Катя закрыла дверь.

– Ленка!

– Не кричи, я здесь, – поставив разделочную доску на стол, Лена положила на неё промёрзший кочан.

– Где мои штаны, тёплые? – прислонившись к кирпичной кладке, Вася оценил тело жены чуть пониже спины. – Надо к Петру сходить. Он мне кое-что обещал.

– Может хватит пить, а? Вась. Ты уже неделю не просыхаешь? – бросив на мужа жалостливый взгляд, Лена достала из ящика стола нож.

– Не твоё дело. Дай мне штаны, и я пошёл, – издевательски цокнув языком, Вася плюхнулся на лавку и ещё раз потянулся.

Лена отодвинула шторку и протянула руку над печкой. Штаны ещё не просохли, потому что вчера кое-кто валялся на снегу под забором.

– Мокрые, – предупредила она, вернувшись к столу.

– Высушить не могла? И как я теперь пойду? На улице мороз под тридцать! – разозлился Вася, пронзая жену прищуренным взглядом. – Да что ты за жена? У других вон как шёлковые: только муж на выход, и валенки поднесут и телогрейку!

Лена молчала. Стоит только открыть рот, чтобы возразить, Василий сразу пустит в ход кулаки.

– У-у, ни рыба ни мясо, – проворчал Вася, оскалившись и помахав в воздухе кулачищем. Решив надеть пару трико, чтобы не замёрзнуть, он залез в шкаф и случайно нашёл конверт без обратного адреса. Вынув письмо, бегло прочитал. Брови Васи сошлись у переносицы, глаза сузились до щёлочек, ноздри раздулись. Письмо моментально приобрело форму измятого шара.

– Откуда? – зарычал взбудораженный содержимым письма Вася. – Когда ты его получила? Я тебя предупреждал?

Подскочив к жене, Вася встал прямо за спиной и бросил конверт и подобие снежного кома на стол.

– Я предупреждал, я спрашиваю? – его тяжёлое дыхание отражалось от шеи Лены и опускалось ниже, по спине, вызывая неприятные мурашки. – Чего молчишь? – жёсткий голос вонзался в голову, как звон огромного колокола, заставляя Лену волноваться. – Вижу, хороших слов ты не понимаешь!

Вцепившись в белокурые локоны, Вася оттянул голову жены назад и занёс кулак над её лицом.

Лена зажмурилась в ожидании удара, но Вася медлил.

– Ты оглохла? – звериный рык пронёсся рядом с ухом. – Я же сказал, чтобы никаких Машек-Глашек.

Сжимая волосы, он так сильно оттянул кожу головы, что у Лены брызнули слёзы. Она молчала, чтобы не злить мужа и не напугать детей. От Васьки несло отвратительным перегастром и кислым запахом немытого тела. Мерзкий, гнусный, блистающий превосходством над слабой женщиной, Иванов наслаждался властью и беспрекословным повиновением, унижая собственную жену.

– Тебе мало, да? – Вася терпеливо ждал, когда Елена начнёт молить о пощаде.

Реплика грозного Отелло неожиданно оборвалась, когда в хату вошла седовласая женщина с огромным свёртком в руках. Василий мгновенно отпустил волосы несчастной жены и спрятал руки за спину.

– А вот и мама пришла! – радостно воскликнул он и тут же похвалил жену. – Лен, ты не спеши, не дай бог порежешься.

Прильнув к матери, Вася приобнял её и сразу получил порцию материнских поцелуев.

– Держи, это тебе, – Александра Константиновна сунула сыну подарок и, не снимая валенок, села за стол. – Чем потчевать будете? – искоса взглянула на невестку. Приметив, что у той глаза на мокром месте, сделала дерзкое замечание. – У тебя мужик в доме, а ты слёзы льёшь. Радоваться надо, таких, как мой Васенька днём с огнём не сыщешь. Четвёртый годок живёте, а я всё как не приду, ты не в себе.

Слушая упрёки свекрови, Лена сжимала нож в руке и смотрела на занавески, всеми силами сдерживая слёзы.

– И молод, и красив, – лепетала Константиновна, выгибаясь назад, чтобы было видно сына, как он меряет новые штаны. – Руки из нужного места растут. Его в нашей деревне ужас, как любят. Ну выпивает слегонца, а кто ж не пьёт? Пока молодой, пусть жизни радуется, – выдохнув, женщина полюбовалась обновкой, которая отлично смотрелась на Ваське. Как влистая. – За ним столько девок местных носилось. И не местных тоже. А он, вишь, за тобой приударил.

Александра с презрением оглядела молчаливую невестку и сжала губы.

– А? Мам, ну как? – Вася застегнул ширинку и вышел продемонстрировать утеплённые шаровары. – Вещь! – поднял большой палец, чмокнул в благодарность мать и сказал, что уходит к Петьке.

– Весь в делах, весь в заботах, – умилилась свекровь, наблюдая, как Васенька одевается. – Самый, что ни на есть, самородок.

Вася, упиваясь мамашкиной похвалой, кивал, натягивал валенки и спешил испариться. Там ведь Петька ждёт, с горяченьким. Лена продолжала стоять, как столб.

– Васенька, зашёл бы к нам на часок. Отцу помощь нужна. Там дров навезли, поколоть бы, – пролепетала мать детским голоском. – Ему одному несподручно. С суставами мается.

– Мам, не сегодня. Видишь, я занят, – застёгивая телогрейку одной рукой, другой Вася тянулся за шапкой.

– Ну да, ну да. Понимаю. Тебе тоже отдыхать надо. А то смолоду здоровье покалечишь, а к старости будешь, как твой батька, – согласилась Константиновна.

Вася надел шапку и вышел в сени. Когда хлопнула вторая дверь, свекровь сменила тон.

– Ну? Чего стоишь, будто в пол выросла? Что на ужин сыну моему готовишь? – обедая хмурым взглядом стол, она тронула пальцем кочан капусты, который успел чуток подтаять, и рассердилась. – Лучше б мяса ему положила. Жареного. Мужиков, как быков кормить надо, а ты ему травы пихаешь. Он тебе что, козёл? Как не приду, то картошка, то капуста. Ты его заморить голодом решила?

– Мясо будет в супе, – прошептала в ответ Лена, глядя на занавеску.

– В супе? А может ты ему ещё и на пару приготовишь? Жарь, сказала! Мой сын на телятах да поросятах выращённый, а ты его желудок до ручки доведёшь. – лицо свекрови перекопилось от недовольства. Заметив, что в доме тихо, она решила узнать о внучке. – А где моя Людочка? Куда ты её подевала?

– В комнате. Играют, – выдохнула Лена и принялась расправляться с кочаном.

– Играют, – с сарказмом повторила Константиновна. – Если бы не мой Васенька, то твоей Катьке и играть бы не с кем было. Ох, как вспомню, когда он тебя привёл и о свадьбе объявил, чуть не померла с позору. И где твоя девичья честь блуждала? А вот теперь, девонька, молись на него, молись и в ножки кланяйся. Взял тебя с прибуду, так ты должна почитать Василия Игнатовича, как... – взглянув на икону, стоящую в красном углу, женщина перекрестилась, – прости Господи, как ангела-хранителя.

Нож завис над капустой, и Елена прикусила язык. До боли. Чтобы не сказать лишнего, иначе свекровь-хамка доложит вспыльчивому сыну, и тот отлупит до потери сознания.

Такое уже случилось. Вася, после мелкой ссоры между Константиновной и Леной, вернулся с женой домой, закрыл дверь на крючок и прямо в сенях изуродовал молодую женщину. Бил нещадно ногами по животу и приговаривал, чтобы Лена не смела повышать голос на его любимую мамочку. Случилось это буквально через три месяца после свадьбы. Лена тогда ещё не знала, что она в положении. Удивительно, как ещё ребёнок сохранился? Закончив воспитывать жену, Вася ушёл в дом, допил остатки водки и свалил к соседу, хвалиться своими «достижениями». Петя шутливо поддержал друга, мол, правильно делаешь, баб надо учить уважать мать мужа, а то они становятся нахальными и тогда берутся за мужиков, пытаются управлять ими, как скотом. Петя был точной копией Васьки. Он тоже иногда гонял свою толстуху, но та могла и отпор дать, замахнувшись увесистым кулаком, но Петя, приняв на грудь львиную долю спиртного, набирался смелости и шёл в бой, не боясь остаться без зубов. Так и живут Петя с Клавкой: дерутся, а потом мирятся. Бездетные, чуть постарше семьи Ивановых, держатся друг за дружку, потому что любят с самого детства.

Когда Лена пришла в себя, вползла в дом и забрала годовалую Катю, то первым делом бросилась к соседям, чтобы дать Ваське проспаться, а не испытывать судьбу. Она не заметила его отсутствие и уж тем более не ожидала столкнуться с ним в доме Клавы. Вася начал кричать, когда увидел Лену на пороге, но его неистовый ор заглушила Клава, предупредив: если Иванов ещё раз осмелится замахнуться на жену, то будет иметь дело с Клавдией Алексеевной, а она-то и не таких ломала да в больничку отправляла. Забрав Лену и её дочь в комнату, Клава ещё раз пригрозила Ваське, попутно припугнула мужа, чтобы не ставил больше водки на стол, и провела воспитательную беседу с Леной.

– И пойти-то мне некуда, – плакала избитая женщина, прижимая к груди полусонную дочь.

– А к мамке? – Клава складывала выстиранное бельё в шкаф и давала ненужные советы.

– Не могу я, – всхлипывала Лена, представляя, как «обрадуется» мать её возвращению. – Там батька пил, гонял нас по двору. Потом он умер. Мама быстро замену ему нашла. Привела в дом из соседней деревни Стёпку. Клав, я не знаю, куда она смотрела и о чём думала, но он моложе её почти на десять лет. Естественно, пьющий. Почему она с такими судьбу свою связывает, а? Неужели не существует нормальных мужиков?

– А сама-то? И вообще, каким боком вы встретились? Я никогда не спрашивала, знаю, что ты неместная, но скажи, что ты в нём нашла? Васька всегда выделялся среди наших парней. Да, он красив, да, фигурка – что надо, но от его характера так воротит, что я б никогда с ним под венец не пошла. Выпендривается, кривляется, цену себе набивает. А Александра Константиновна? О-о, язва ещё та. Чуть что, бежала с разборками, орала, как курица на нашесте: кудахчет, а на рожон не лезет. Ой, как вспомню, любила она пугать и милицией, и вышестоящим начальством. И как тебя угораздило вляпаться в змеиную семейку?

– Старо, как мир, – вытерев слёзы, Лена начала свой короткий рассказ о себе. – Приехали в наш клуб с компанией ребят. Вот там и познакомились.

– В Сосновку?

– Да. Он мне сразу приглянулся... – опустив глаза, женщина пробурчала, – а, может быть, от безысходности я на него запала.

– В смысле? – присев рядом, Клава наострила уши.

– Деваться мне было некуда. Да и сейчас нет у меня того места, куда бы я могла уехать. – лепетала себе под нос Лена, сгорая со стыда.

– Подожди, а мама? Почему тебе к ней не уехать? Послушай, Лен. Если дальше так пойдёт, прийдёт тебя Васька. И мамка его не поможет. Она ж верит каждому его слову. Однажды

он чужой велосипед утопил, так Константиновна такого шороху навела, что чуть до суда не дошло.

– Вот именно, свекровь меня изначально ненавидит. Как только узнала, что у меня ребёнок есть, сразу встала в позу.

– А дитё чем ей помешало? Это ж не бочка с огурцами, а живой человек.

– Клава, я никогда никому не рассказывала, но тебе скажу, только ты... – Лена подняла глаза и с жалостью посмотрела на соседку. Та чуть сама не зарыдала, когда увидела, сколько боли таится в этом печальном взгляде.

– Я – могила, Леночка. Ты можешь выложить мне всё, что угодно, – прошептала она в ответ и втянула губы.

– Я никогда не была замужем, и Катя... Катя... – подавляя в душе порывы закричать, Лена смогла рассказать страшную тайну, которую никому не рассказывала. – Она не плод любви, не нагульная. Катя – дочь моего отчима.

Глаза Клавки выпрыгнули из глазниц, прилепились ко лбу и вновь вернулись в исходное положение. Её массивная нижняя челюсть с лёгкостью дотянулась до масштабной груди и отпружинила обратно. В горле своя свистопляска: гланды сошлись ровно посередине, потёрлись друг о дружку и так и остались висеть над входом в пищевод, перекрывая дыхательные пути. Клава впала в ступор. Надолго. Секунд на пятнадцать.

– А теперь дай мне продышаться, – захрипела она, стуча кулаком чуть пониже шеи. – Я такое только в ... Да вообще нигде не видела и не слышала. Это что ж получается, ты с ним... это... А потом... Катька родилась?

– Я не это, – Лена вынула из кармана платя носовой платок. – Это он, а не я.

– Ой, божечки мои, меня сейчас наизнанку вывернет, – запричитала ошалевшая от безумной новости соседка, представив отвратительную картину и обмахивая всей пятернёй покрасневшее лицо. – Насильно?

– Угу, – и Лена опустила голову.

– Падла, – прошипела в сторону входа Клава, шпионя, чтобы никто из мужиков не вошёл в комнату или, не дай бог, не подслушал. – Я бы его взяла за причинное место и оторвала, прямо с мозгами, – сжав толстый кулак, женщина стиснула зубы.

Поглаживая спящую дочь по головке, Лена начала покачиваться взад и вперед: так она успокаивала себя и Катю, которая вечерами не могла уснуть.

– А он что? – немного успокоившись, Клава села на диван.

– Кто?

– Отчим. Ты ему о ребёнке сказала?

– Да, – и слёзы потекли градом по бледным щекам.

– А он?

– Клава, этот... Даже слов не подберу, – Лена беззвучно рыдала. Её нижняя челюсть дрожала так, будто женщина сидит на снегу в одном нижнем белье. – Он к матери побежал.

– А она? Как полагается, отхренакала его сковородкой, размозжила башку и вызвала милицию? – предвкушая счастливую развязку, Клава нервно потирала пухлые сосиски, именуемые пальцами.

– Нет.

И мир раскололся на сотни, нет, тысячи мелких хрустальных кусков. У Клавдии зашевелились волосы на ногах.

– Ну, выгнала?

В голове нетерпеливой соседки построилась логическая цепочка, которая непременно должна была вытянуться в одну прямую линию, и ни шагу влево.

– Она меня обвинила. Как будто я сама к нему приставала, а он не выдержал, потому что молодой и горячий, – слёзы закончились, и Лена высморкалась в платок.

– Чего? Приставала? – цепочка в мозгах Клавдии натянулась и со скрежещущим свистом скрутилась в спираль. – А ты приставала? Только по-честному.

– Конечно, нет. Он меня за баней поймал, когда я бельё развешивала. Заволок в предбанник, дверь на крючок и...

– Ясно. Можешь не продолжать. Подожди, а почему ты не кричала? Я бы такой вой подняла...

– Рукой зажал, рот-то, – тихо ответила Лена, уставившись в одну точку.

– Вот кочерыжка облезлая. Утконос бесхвостый. Да я б ему... я б... я... – Клаву так завёл чужой незнакомый отчим, что она забыла любимый лексикон, любезно подаренный ей родной бабулей-кочегаром. – А потом что?

– Я всё выкрутила так, как будто между нами ничего не было, и Стёпке по пьяни привиделось. А когда живот показался, то мать мне Стёпку-то и припомнила. Оттаскала за волосы, чуть не убила. А я смогла убедить её, мол, это вообще не Стёпкино дитё. Наврала с три короба, чтобы из дома не выгнали. Клава, а куда я пойду? Ни бабушки, ни дедушки. Все померли. Есть тётка в другом регионе, но она с нами не знается. Уехала, и забыла о нас.

– А сколько вас детей? Девки ещё остались?

– Сестра Нюрка да Гришка с Федей.

– Он же, поди, и до Нюрки домогался, – ахнула соседка, приложив ладонь ко рту.

– Не знаю. Я как замуж за Ваську вышла, он быстро все связи обрубил. Даже с подругами общаться запрещает.

Дверь тихонько распахнулась, и в комнату заглянул пьяный муж. Глаза красные, бычьи, рот перекошен.

– Поднимай задницу и домой. Быстро!

Лена послушно встала, держа на руках дочь, и двинулась на выход.

– Шевелись! – гаркнул Вася и со всего размаху треснул жену чуть пониже спины, когда она проходила мимо.

Клава не стала одёргивать опьяневшего соседа, чтобы Лене дома не досталось ещё больше. Она отлично знает таких, как Василий: стоит только заступиться во второй раз, то дома, когда рядом не будет свидетелей, жена огребёт по первое число. Лена надела калоши, прижала к груди спящего ребёнка и вышла на улицу. Следом выперся и Вася.

– Что ты там Клавке о своих ббтала? – прикурив на крыльце, Вася качнулся и чуть не упал.

Свежий вечерний воздух ударил в голову, и мужик опьянел ещё сильнее.

– Ничего, – Лена несла дочь и шагала, не спеша.

Ей было стыдно за себя, своё бессилие и за Ваську, который умеет привлечь чужое внимание, проходя по улицам деревни пьяным. Любит он веселить народ, выставляя себя дураком, кривляясь перед соседями. Соседи подначивают, а он, знай себе, раззадорится и песни орёт матерные. Никто из старушек и дедов, проживающих на этой улице, не посмеет вслух осудить Ваську, знают его дрянную натуру: кулаками махать да разносить всё, что под руку попадётся.

Лена шла и думала, зачем она родилась, для чего? Чтобы нести свой крест, на роду написанный? Но почему такая нелёгкая судьба уготована только ей? Вон Клавка с Петром живут, и давно. Да, дерутся, Петька тоже выпить не прочь, но у них полная идиллия. Деток нет, может, в этом кроется загадка? А если бы были, так же скандалили, как и Васька? Это вряд ли. Клавка – баба боевая, смелая. Если что, и вдарить сумеет. Петя – тоже не слабак, лезет на рожон и ручищами машет. Отлупщуют друг друга, а потом в койку ложатся. Неужели секрет... в этом? Лена бы тоже так могла, но жуткий запах перегара всю душу выворачивает. Тут не то, что поцеловать, рядом лежать противно. Пробовала, но не получается. Хочется сразу бежать к колодцу, напиться ледяной воды и облить себя ею с головы до ног, чтобы избавиться от въевшейся в волосы вони спиртяги.

– Чего молчишь? – затягиваясь ядовитым папиросным дымом, Вася косился на синяк, который он же и «нарисовал» на миловидном личике жены. – Спрашиваю ещё раз, что ты там Клавке натрепала?

– Она спрашивала, есть ли у меня братья и сёстры, – сквозь слёзы ответила Лена, прикусывая язык, чтобы не расплакаться.

– И что?

– Я сказала, да.

– А зачем ей это знать? Сбежать надумала? – выплюнув изо рта окурок, Вася сжал кулак и засопел, как дикий зверь перед прыжком. – Ну? Говори? Надумала?

– Ничего я не надумала, – Лена открыла калитку и пропустила обозлившегося мужа вперёд.

– А то смотри, я тебя где хочешь найду, – входя во двор, Вася обернулся и сразу заметил деда Панаса, ковыляющего с котомкой через плечо. – Оу! Дед! Постой!

Махнув рукой, оттолкнул жену, закрывающую калитку, и поспешил к пожилому соседу. Лена поняла: сейчас доколуется до него со своими пьяными разговорами, психанёт и опять к Петьке свалит. Дед Панас не любит пьяных разговоров, не уважает пьющих. Сам ни разу в рот не брал и всем в округе советует не заниматься травлей своего организма, потому что жизнь одна и прожить её надо с улыбкой на лице и светлой памятью. Почему он так здраво рассуждает? Да потому, что рос в детском доме и знает цену каждому дню, когда и голод – не тётка, и штаны одни на всю ораву. Дед рассуждает так: хочешь выпить – возьми в руки косу и иди в поле, коси, пока седьмой пот не сойдёт, тогда и пить не захочется. Первая мысль будет – помыться, а потом и в койку потянет. Мышцы-то не железные, им отдых требуется. А поутру, как глаза продерёшь, берись за дрова и коли, пока спину не сможешь разогнуть. Отдохнул, и опять за работу. В деревне работы – непечатый край. Трудись на благо своё и обществу. Человек для того и создан, чтобы пользу приносить, а не заливать zenки и в споры бросаться.

Васька выплыл к деду на качающихся ногах и отдал честь, приложив ребро ладони ко лбу. Панас притормозил, глянул с укором на Иванова, усмехнулся и перебросил котомку на другое плечо.

– Дед, постой, – Ваське не понравилась высокомерность старого соседа.

Догнав старика, он встал перед ним и ещё раз ткнул себя в лоб.

– Ответка-то будет? – нахмурив брови, парень сплюнул за обочину.

– Какая ответка? – дед сделал вид, будто не понял Васю.

– Ты ж вроде как служил, – хмыкнул Вася, сунув руку в карман трико за папиросами. – Иль набрехал?

– Я-то? Служил. А по какой причине тебя этот вопрос волнует?

– Так почему честь не отдаешь? – прикурив, Васька уставился на деда с кривой пьяной ухмылкой.

– Я, Вася, кому попало честь не раздаю, – уверенно ответил тот и тоже вынул из кармана старенького кителя пачку.

– А-а, вон оно ка-ак.

– Да, так, – чиркнул спичкой и поднёс к папиросе. – И перед тобой, хлыщом, стоять по стойке смирно не обязан.

Волна возмущений охватила Ваську. Сжав кулак и разжав его, он моментально схватил деда за грудки.

– Ты о чём мне тут втираешь, дед? – уронив папиросу, парень прижался потным лбом к морщинистому лбу спокойного старика.

Стойкий запах намешанной бодяги ударил в нос Панаса, и тот зажмурился.

– На меня смотри, – зашипел Вася, упираясь лбом в старую кость. – Что, страшно стало?

– А чего мне бояться, Василий Игнатьевич? – Панас открыл глаза. Он говорил ровным голосом, без единого намёка на испуг. – Хочешь бить – бей. Ежели прирёшь – значит, тому и быть. Я не за себя боюсь, родимый, а за ваших деток.

– Чего-о? Каких ещё деток? На старости лет совсем умом тронулся?

– Может, и тронулся, но об одном волнения закралась. Ежели война, а, Вась, кто за твоих деток оборону держать будет? Ты, что ли?

Пальцы пьяного Васьки разжались. Иванов стоял перед стариком и смотрел в его бесстрашные глаза. В них, в этих двух серых пуговках, покрытых молочной пеленой, не осталось ничего, кроме уверенности в своей правоте. Развернувшись, Васька отправился к Петьке, заливать обиду на Панаса и жаловаться на свою скучную жизнь.

Лена, проводив мужа опечаленным взглядом, ушла в дом и сидела там до ночи, ожидая возвращения Васьки, который приходит от соседа в одно и то же время, на карачках. В 00:00 ч.

Так и в этот день, когда кукушка из настенных часов прокричала двенадцать раз, дверь распахнулась, и Вася переполз через порог, захлёбываясь слюнями. Его руки были покрыты ссадинами, а по виску текла тонкая красная струйка, на носу содрана кожа и не хватало переднего зуба.

Услышав надрывное кряхтение и шлепки по деревянному полу, Лена вышла посмотреть, кто там пришёл. Увидев Васю, стоящего на четырёх точках, всего в крови и расстёгнутой рубахе, на которой не хватало несколько пуговиц, шёпотом задала вопрос: что случилось.

– М-м-м, – Вася не смог вымолвить ни слова, потому как был смертельно пьян.

Лена хотела поднять его, чтобы уложить в постель, но восьмидесятикилограммовая туша не поддавалась слабой, хрупкой девушке. Тогда Лена сходила за подушкой и покрывалом. В это время парень свернулся калачиком у печи и захрапел, выпуская ноздрями клубы прозрачных пузырей. Подложив под его потную голову подушку, Елена накрыла обмякшее тело покрывалом и села за стол, пребывая в смешанных чувствах. Вроде и любит Ваську, жить с ним хочет, но его частые пьянки, оскорбления, беспочвенные подозрения всю душу вымотали. А с другой стороны, даже если собраться и уйти... куда? К кому? Да не нужна никому молодая девушка с ребёнком на руках! Тем более, ребёнок этот не от мужа. Засмеют люди, заклюют, задушат сплетнями. Никто не поверит в честность Ленкину, если уж мать своему «мужу» доверяет, как себе, то кто ж из чужих возьмётся судить отчима? Выставят Лену виноватой, мол, молодая, бессовестная, задом крутила перед парнем и добилась своего, а теперь носится с результатом тайной любви и ищет понимания, облив честного человека помоями. Раньше надо было думать, когда юбку перед мамкиным ухажёром задирала. Сама виновата, вот и расхлёбывай.

Подперев щеку худеньким кулачком, Лена не заметила, как задремала на стуле. Ей снился отчим в бане, мать, орущая диким голосом и размахивающая кулаками, и Вася, предлагающий пожениться и переехать к нему в Горловку.

– Чего молчишь? – сказав о свадьбе, Вася ждал ответа. – А? Глухая, что ли?

Насупив брови, Лена с возмущением смотрела на жениха и не понимала, откуда такие речи, вроде бы Василий не говорил с ней таким жёстким тоном.

– Глаза разуй! Я с кем разговариваю?!

И Лена очнулась. Распахнув ресницы, она увидела Васю, который хватался за выступающий край столешницы и покачивался. Запёкшая на щеках кровь под лунным светом, пробиравшимся сквозь занавески, выглядела так, будто у Васи треснуло лицо.

– Что ты хочешь, ложись спать, – Лена собралась встать, но Василий, положив ей руку на плечо, надавил и заставил сесть на место.

– Где мой костюм? – язык еле ворочался, Вася ещё не проспался, но ему нужно было срочно найти парадную одежду.

– Какой костюм?

– Чёрный. Он у меня один, – сжимая кожу на плече жены, парень всеми силами боролся с надвигающимся сном.

– Три часа ночи. Иди спать, – глядя на хмельного мужа, Лена чувствовала усталость и огромное желание лечь спать.

– Дай. Костюм дай, – пока Василий раскачивался, стоя на полусогнутых ногах, его одолела икота. – Воды... дай.

Лена вновь приподнялась, но муж не позволил встать, надавливая на плечо.

– Мне больно, – чуть слышно сказала Лена, уставившись на опухшее, измятое лицо. – Отпусти, я принесу воды.

– Сбежать хочешь, – проямлил Вася и застонал: – м-м-м.

– Куда я сбегу? Да и зачем? – набравшись смелости, она скинула его руку и направилась к ведру с колодезной водой.

Открыв крышку, набрала ковшем воды и поднесла мужу. Тот, сжав пальцы на ковше, с отвращением посмотрел на Лену. За три больших глотка, осушив ёмкость, бросил её на стол. Железный ковш с грохотом ударился о столешницу и упал на пол.

– Иди спать, Вася, – ласковый голос нахальной жены разозлил Васю.

Пробормотав пару матерных слов, он продолжал держаться одной рукой за стол, а второй резко вцепился в руку жены.

– Петька сказал, что ты ему нравишься, – вода, смешанная со слюнями, текла по подбородку и оседала на волосатой груди. Раздувшиеся ноздри и бешенный взгляд предвещали бессонную ночь.

– А я здесь причём? – прошептала Лена, чувствуя начало громогласного скандала, который сто процентов увенчается побоями.

– Он бы так не сказал, если б ты вела себя, как подобает жене, – чем глубже Вася вздыхал, тем сильнее от него воняло прокисшей водкой.

– Твой Петя несёт, что попало, а ты и рад верить. Вась, ложись, а. Хватит, нагулялся, а теперь ложись. Я всю ночь из-за тебя не сплю.

– Из-за меня ли? – скорчив грозную мину, Василий отпустил её руку и взялся за грудки. – Или из-за Петьки?

– Не носи ерунды. Иди ложись. Проспись, – привыкшая к регулярной ругани, Елена всё равно побаивалась, когда её муж начинал разборки с надуманной ревности.

– К Петьке тебя тянет, да? К нему бегаешь, пока меня дома нет? Раздевайся! – зарычал Вася и разорвал ткань на груди слабой женщины.

На этот раз Лена не стала сопротивляться. Она послушно расстегнула оставшиеся пуговицы и сбросила платье. Вася вцепился в загорелые плечи слюнявыми губами и слегка прикусил молодую нежную кожу. Было больно, но Лена не издала ни звука. Завалив жену на пол, мужчина стал яростно срывать с неё нижнее бельё. Потом сорвал с себя трико и... Ничего не вышло. «Павший воин» так и не поднялся, сколько бы Вася не возился над вялым телом. Злость пробирала, но Василий не сдавался. Он с силой мял кожу и хрипел, пытаясь изобразить страсть. Лена лежала и смотрела в потолок, сжав зубы. Она всеми силами отгоняла грязные мысли, чтобы в памяти не всплыл случай с баней, где «потрудился» её отчим. Намучавшись, Вася встал на колени.

– Холодная, как рыба, – рявкнул он, заправляя рубашку в трико. – Пошла отсюда.

Сев на стул, Василий опустил голову на руки и застонал.

– Не могу с тобой... Не могу. Ты мне всю душу вымотала. Я потерял мужскую силу... ни с кем не могу...

И тут Лена поняла, он пришёл от какой-то женщины. Поднявшись, она взяла платье, бельё и ушла в комнату. Чувствуя жуткую головную боль, девушка забралась под одеяло и всхлипнула.

– За что мне всё это?

Вася просидел в кухне без малого час, потом сходил на улицу, покурил на крыльце, подумал о своём плачевном положении недомужика и вернулся. Ещё десять минут походил по кухне, а после, выпив воды, лёг на печи. Слушая, как почти протрезвевший муж мечется и не находит себе места, Лена подложила руку под голову и уснула. Вася отрубился через пятнадцать минут, как только отбросил все мысли и решил завтра продолжить отмечать наступление нового дня. Дом затих до утра.

Обычно утро начиналось с дойки, но не в этот день. Лена подскочила, услышав жуткий стон, разразившийся как будто из чердака. Забыв, где находится, Вася резко поднялся, ощутив дикую боль в носу, и ударился головой в кирпичную кладку. Лена прибежала на вой и встала перед мужем, потирающим лоб.

– Дай чего-нибудь, нос болит, – чуть ли не плакал он, опустив голову.

Подумав, что у мужа разболелась голова после пьянки, она принесла рассол, но Вася грубо отклонил предложение жены. Ударив по почти пустой трёхлитровой банке, он наорал на Лену и уточнил, чтобы принесла обезболивающее. Лена порылась в ящике трюмо, нашла нужную таблетку и набрала в ведре воды. Выпив, Вася слез с печки.

– Господи! – ахнула жена, увидев расплывшееся и посиневшее лицо. – Кто тебя так?

– Не твоё собачье дело, – Вася сел на стул и аккуратно потрогал кожу вокруг глаз.

Она была чуть твёрдой и изрядно отёкшей. Глаза заплыли, оставив еле заметные щёлочки, нос стал в два раза больше, и только сейчас Лена заметила его кривизну. Губы похожи на красный холодец, а впереди, на верхней челюсти, не хватало одного зуба.

– Что уставилась? Лёд неси! – рявкнул Вася, приложив ладони к опухшему лицу.

Отколов в морозилке несколько кусочков льда, Лена завернула их в вафельное полотенце и подала Васе. Он не просто взял его, а резко выхватил, злясь на свой внешний вид, который ещё не видел в зеркало, но уже знает, каким месивом стало его лицо.

– С кем ты подрался? – Лена села за стол, не спуская с мужа напуганного взгляда. Вернее, даже не напуганного, а сочувствующего.

– Похоже, ты не только рыба, но и глухая тетеря, – Вася прикладывал узелок со льдом то на переносицу, то на губы.

– Это Петька?

– Петька?! – разозлившийся муж бросил полотенце на стол, и ледяные куски высыпались на столешницу. – Пошла ты нахер со своим Петькой! – вскочил на ноги и собрался на улицу, но что-то его остановило. Обернувшись, Василий приказал жене срочно напечь блинов. Ему вдруг есть захотелось после ночного приключения.

– Мне корову доить пора.

– Успеешь. Сначала мужа накорми, а потом всё остальное, – нащупав в кармане трико пачку сигарет, вышел в сени.

Взглянув на часы, Лена принялась готовить тесто. Интересно, кто ж его так отмудохал? Всегда такой задиристый был, ни от кого не получал, сколько она его знает, а тут размолотили по-доброму. Улыбаясь чужой победе, Лена стояла у стола и размешивала муку в молоке. Вася сидел на корточках и нервно курил, вспоминая, как он поспорил с Петькой и проиграл.

– Ну, сука, я тебе ещё отомщу. Вот только глаза откроются, приду и нахлобучу, – осторожно шлёпая обвисшими губами, он ощущал, как лицо раскалывается на несколько частей.

Попробовав разлепить веки, Василий всплакнул. Хоть и мужик, а больно. Это ж надо было так зацепиться с женой Петьки. Конечно, она весом берёт. Как размахнётся, неожиданно, ты и сообразить не успеваешь. Клава ни разу не обижала Васю, только грозила кулаком, а тут такая оказия. А всё из-за Петьки, чтоб его на ленты порвало. Давай, говорит, поспорим, кто кого в армрестлинге уложит!

– А на что спорить-то будем?

- А чёрт его знает. Давай, на водку.
- Не, неинтересно. Лучше – на деньги.
- Да ну, если ты проиграешь, то я всё равно потом верну.
- М-да-а, даже и поспорить не на что.
- А давай, на жену!
- Вторую братъ собрался?!
- Нет. Кто выиграет, тот и...
- Ну ты даёшь! А не боишься, что Клавка со мной останется?
- Это тебе надо бояться. Ленка у тебя – у-ух! Не заревнуешь?
- Было к кому ревновать.

В итоге выиграл Петька и на полном серьёзе собрался идти в дом Василия, чтобы с его женой «поболтать о погоде». Поначалу Вася подначивал, шутил, веселился, а когда Петька оделся и попросил предупредить Клавку, мол, он за самогоном пошёл, тут-то Васька и взбесился. Вцепился в ворот ветровки, повалил соседа на пол и начал дубасить со всей дури. Услышав возню в кухне, выскочила и Клавка. Не разбираясь, что не поделили пьяные вусмерть мужики, схватила кочергу и несколько раз приложила к симпатичной физиономии проигравшего. Вася даже рта не смог раскрыть, потому что железная палка первым делом опустилась на его обветренные губёшки и размесила в ещё не застывший холодец. Потом Клава бросила кочережку и подняла полено, что у печки лежало. Отходила соседа так, что он выполз из её дома на четвереньках. Петька был спасён. Поцеловав жене руки, убедил её в своей невиновности, будто Васька озверел из-за самогона, за которым Петя отказался идти.

Ноги замлели, и Вася встал, постанывая от ломоты в теле. Пока он вспоминал, как провёл время у Пети, Лена испекла блинов и вышла с ведром, чтобы подоить корову.

– Тебе нужно отлежаться, – сухо произнесла она, заметив за ухом мужа огромную шишку. – Очень больно?

– Не твоё дело! – рявкнул Вася «холодцом», собираясь залезть в постель. – Иди, куда шла. И да, – погрозив кулаком, сплюнул за крыльцо. – Если узнаю, что у тебя с Петькой что-то было...

Вздохнув, Лена ничего не ответила и отправилась в сарай.

Вася вернулся в хату, выпил воды, проверил запасы водки, но ничего не нашёл. Голова трещит, спину будто по швам раскроили, а о лице и говорить нечего: поломали Ваську, ой как поломали, впервые за двадцать один год. Сев на стул и подперев кулаком подбородок, парень уставился на тарелку с блинами. Нет, есть не хочется, совсем. Сейчас бы рюмочку да сольца. Да и блин сойдёт, хрен бы с ним, но одно терзает, друга потерял. Сволочью он оказался, Ленку ему подавай. Шутки шутками, а края не видит. Вчера Клавка ему помогла, а в другой раз никто не поможет. Васька настроен воинственно.

Дождавшись жену с полным ведром молока, Василий в приказном тоне заставил её купить самогонки у местной торгашки. Принеся домой бутылку мутной, девушка принялась цедить молоко, но Вася толкнул ногой ведро и заорал.

– Я просил пол-литра, а ты что принесла?

– С тебя и чекушки хватит, – Лена наклонилась, чтобы поднять ведро и банку, которая тоже упала на пол.

– Ты мне указывать будешь? Я сам решаю, сколько брать! – вопил он, не обращая внимание на проснувшуюся от крика Катю. – Иди назад и бери пол-литра!

– Никуда я не пойду, – бубнила Лена вытаскивая половую тряпку из сеней. – Если так приспичило, сам иди.

– Ты кому это сказала? Совсем берега попутала? – распухшее лицо покраснело от злости, и даже приоткрылся правый глаз. Вася хотел наброситься на непослушную жену и наказать за

дерзость, но, поскользнувшись на молоке, потерял равновесие. Свалившись на мокрые доски, Вася ударился головой об угол стола и замолк.

Лена вошла в кухню, держа в руке тряпку, и сразу решила: Васька прикидывается, чтобы напугать её, как на первых свиданиях, когда он делал вид, будто у него прихватило сердце или он задыхается, а потом вскакивал и смеялся, как сумасшедший.

– Подвинься, мне надо вытереть лужу, – Лена бросила тряпку рядом с его ногами, вытянутыми в струну. – Вась, хватит дурака валять, мне не до шуток.

Но парень лежал на спине в молочной луже и молчал. Вытерев молоко вокруг ног, Лена вышла на улицу, выжала тряпку и вернулась. Вася лежит в той же позе, как и лежал – ровно и неподвижно.

– Если не встанешь, будешь сам убирать, – открыла печную дверцу, чтобы заняться растопкой. – Хватит прикидываться. – зажгла спичку и поднесла к смятой бумаге, заложенной между дровишками.

В доме тихо, будто и правда кто-то умер. Катя уже успокоилась и сидела в кроватке. Она нашла пустышку под подушкой, сунула её в рот и принялась стаскивать полотенца, висевшие на перегордке.

– Когда ж ты за ум возьмёшься? – тяжело вздыхала Лена, сидя на корточках и косясь на мужа. – Ладно, хватит, вставай, – она решила перевернуть мужа и вытереть молоко. Пусть прикидывается и дальше, если больше заняться нечем.

Подхватив его под спину, девушка напряглась и повернула тело на бок. Вася упал на живот, и Лена вскрикнула. На левой стороне головы, за ухом, виднелось окровавленное пятно. Завизжав от ужаса, Елена сбегала в комнату за простынёй, подложила мужу под голову и бросилась к соседям за помощью. Услышав, что Васька умер, Клава схватилась за голову, подумав, что всему виной её ночной «брейк-данс» в компании кочерги. Но, когда заплаканная Лена пояснила, отчего Вася лишился чувств, Клава сиюминутно оделась и побежала оказывать помощь. Петя в это время спал без задних ног и не слышал, что произошло с его собутыльником. Влетев в дом, женщины были готовы вызывать милицию и скорую и даже успели обсудить по дороге, что им говорить, но, распахнув дверь, впали в ступор. Васьки на полу не оказалось.

– Тьфу ты, – Клаву пробрал мандраж, и она села прямо на порог, – я чуть сердечный приступ не подхватила.

– А где он? – зашептала Лена, выпучив глаза на остатки молочного пятна на полу.

– По следам погляди, – показав пальцем на доски, Клава вцепилась серьёзным взглядом за бледные следы от ног, которые выходили за пределы кухни, а в сенях они уже пропали, как будто Василий шёл-шёл, а затем взлетел.

– Живо-ой, – радостно протянула Лена и села рядом с соседкой.

– У тебя не муж, а сущее недоразумение, – запричитала Клава, обрадовавшись в душе за вновь обретенную свободу. – Я вчера его чуть не прибила.

– Ты? – удивилась Лена. – За что?

– А бог его знает. Сижу в зале, штопаю носки, и вдруг слышу, в кухне пыхтят. Да так, будто у кого-то запор. Ну я-то не из тугодумов, сразу сообразила – дерутся. Выскакиваю, а Васька на моём Петьке сидит и кулачищами машет. Да я и сама не ожидала, как моя рука к кочережке потянулась. Ну и...

– Кочергой?

– Угу, махала так, что сама не помню, что я там ему отбила.

– Ты? Ваську? Кочергой? – представив, как это выглядит со стороны, Лена от души похотала. – А-ха-ха-ха! Это ж как он тебе сдачи не дал?

– А кому там давать? Они же оба лыком не вязали. Ладно, смейся, пока есть над чем, – тяжело поднимаясь на ноги, Клава положила руку на плечо соседки. – Ты это... Если что, прибегай. Но больше я его и пальцем не трону. Мы с тобой пока сюда бежали, я уже лет десять

успела отсидеть. Ну его к лешему, из-за какого-то дурака в арестантки прописаться? Ну уж нет, увольте. Я пожить хочу. Если что, Петька без меня пропадёт. Да и я без него, как без рук.

Похлопав Елену по плечу, Клава ушла к любимому мужу, чтобы ещё раз взглянуть на него и порадоваться, какой он у неё славный. Лена навела порядок в кухне, ожидая своего Васю, который ушёл неизвестно куда. Накормила дочь, оставила её в комнате с игрушками и отправила корову в поле. Осталось заняться стиркой, обедом и прополкой грядок. Уже время близится к полудню, а мужа всё нет и нет. Лена заволновалась. В принципе, пойти ему некуда, из лучших друзей – только Петя, ну, может, ещё и с Гришкой иногда выпьет, а так Василий не особо с кем-то дружбу водит, слишком уж гордый и хвастливый. После двенадцати часов, когда Катя уже спала и Лена приготовила обед, в дом явился Василий.

– Ты где был? – ласково спросила Лена, радуясь, что он живой.

Вася молча сел за стол и уставился в окно. Его лицо было всё таким же оплывшим, левый глаз практически открылся, нос – набок, губы распухшие, а следов крови на голове не осталось.

– На речку ходил, – грустно ответил муж, украдкой поглядывая на Лену. – О жизни думал.

– И что придумал? – Лена почувствовала в Васе какие-то изменения.

– Я когда на полу очнулся, меня как будто осенило. Как я живу? Зачем?

– И?

– Страшно мне стало, Лен, очень страшно. Сходил на речку, искупнулся и будто заново родился.

– Вася! – Лена кинулась обнимать любимого. Расцеловав его болезненное лицо, она наслушалась, какая у Васи жена неповоротливая, но всё равно продолжила целовать, не скрывая своей радости. – Наконец-то ты пришёл в себя! Теперь у нас точно всё будет по-другому!

Глава 2

По-другому было всего ничего – три дня. Вася не пил, вёл себя тихо и не ругался. Но, как только у Ленки проявились первые признаки беременности, Иванов, загадав, что у него родится сын, сразу побежал к Петьке обмывать скорое прибавление в семействе. Вернувшись домой в полночь, он моментально преподал урок воспитания жене, успокоился и лёг спать.

Потирая разгоревшиеся от пощёчин щёки, Лена сидела на крыльце и жалобно всхлипывала, пытаясь понять, за что муж обрушился на неё с обвинениями по поводу беременности. Просидев на улице до двух часов ночи, она отправилась спать. Подойдя впотьмах к кровати, нащупала на своей половине Васькины плечи. Потрогав вторую половину, легла на диван, потому что муж развалился по диагонали, и не стоит его беспокоить, иначе проснётся и... пиши пропало.

В эту ночь Лена не спала. Ворочаясь с боку на бок, она вспоминала озлобленное лицо мужа, его слова, угрозы. Почему-то он часто упоминал Петьку. Неужели до такой степени вбил себе в голову глупость, мол Петька и Лена вместе, и безоговорочно верит в неё? А ведь с первых дней приезда в деревню Вася тычет ей соседом и несёт всякую чушь. Почему он не приписывает ей Гришку или, например, Мишу? Они ведь тоже молодые, но неженатые.

Вот и утро наступило, а сон так и не посетил уставшую от скандалов девушку. Пора вставать и идти в сарай. Поднимаясь с дивана, Лена почувствовала головокружение и лёгкий приступ тошноты. Но делать нечего, некому подоить корову, Васька ещё не проспался, а звать свекровь на подмогу не стоит. Она как-то высказалась по поводу помощи по хозяйству в нелцеприятной форме, поэтому лучше не нагнетать. Взяв ведро, Лена вышла на улицу, глотнула свежего воздуха и потопала к кормилице за парным молочком. Запах в сарае стоит специфический, вызывая рвотные позывы, но Лена, завязав на лице платок, задержала дыхание и принялась выкидывать через окошко навоз. Почистив у коровы, подоила её, положила свежей травы, принесла воды, а затем принялась готовить завтрак. Мутит, конечно, но это только начало. Странное дело, с Катькой такого не происходило. Не было и намёка на щекотливое положение. Пузо растёт и растёт, Лена округляется, щёки розовеют, а в этот раз хоть наизнанку вывернись: с каждым днём всё хуже и хуже.

Закончив с домашними делами, Елена накормила дочь и вывела её на улицу. Пока Катя копошилась в песочнице, Лену вывернуло несколько раз.

– Господи, когда ж это кончится? – шептала она, сидя на ступеньках крыльца. – Тяжко-то так...

Калитка скрипнула и перед измученной тошнотой девушкой предстала свекровь.

– Чего расселась? Я её там жду-жду, а она загорает, – зарычала Александра Константиновна, косясь на Катю. – Я позавчера тебе о чём говорила, а?

Лена вопросительно смотрела на недовольную женщину и сглатывала слюну.

– Погода будет, пойдём на картошку.

– Не могу я. Плохо мне, – прошептала невестка, вытирая подбородок.

– С чего это?

– Беременная я.

– И что? Беременность – не болезнь. Собирайся. Картоху полоть надо.

– Лучше Ваську попросите.

– Ишь ты-ы, – поставив руки на бока, Александра покачала головой. – Лодырь ты, а не невестка. И где это видано, чтоб мужики борозды пололи? Или, может, Ваську ещё у плиты поставить, чтоб тебе борщи варил, пока ты прохлаждаешься? Или пускай бельё твоё стирает, а ты будешь у телевизора лежать?

– Тошнит меня. Вот отпустит, тогда и приду.

– Знаешь, что, девонька, ты мне это брось. Я надумала картохи вам в подпол насыпать, чтоб не пропала, а ты нос воротишь? А если я сейчас Ваське доложусь, а? А если я ему всё о тебе выскажу? Ты подумала, как ты в свои года, будучи брошенкой, жить с девкой будешь? Да тебе все ребята забор переломают, и вся деревня будет знать, что ты не жена Василия, а обыкновенная гуляка. Куда тогда побежишь, а? К мамке с батькой? Да кому ты нужна после того, что в своём селе наворотила?

– Что? – у Лены вытянулось лицо.

– Знаю. Знаю я, как ты в своём краю хвостом мела. Земля слухами полнится, родимая. Вот и до меня дошли, как ты дочку-то прижила. Тьфу, и как только Васька на такую, как ты, позарился. Позор на всю округу. У сына моего сердце дюже доброе. Взял тебя под своё крылышко, а ты так с его матерью поступаешь. Тьфу, чтоб ты облезла, курица подколотная. Где он?

– Кто?

– Сын мой, кто ж ещё? В поле его нету, я уже узнавала.

Ну и мамаша-а-а. Проходу не даёт не только невестке, но и сыну. Каждый день справляется, где Васька, во сколько пришёл, во сколько ушёл, с кем беседы вёл и сколько времени.

– Спит он.

– А чего ж на работу не отправила? Я тебе самое дорогое доверила, а ты его перед людьми позоришь! – ещё чуть-чуть, и возгласы свекрови услышит вся деревня. – Бессовестная! Да какая из тебя жена? У тебя ж одни мужики на уме! Что, никак «наестся» не можешь? Я в твои годы за пятерых работала, а ты сидишь тут и спину греешь! А ну! Подымайся, кому говорю?! Картошка сорняком поросла, не уродится клубень по твоей милости!

– Александра Константиновна, это ваша картошка, свою я уже прополола. Дайте мне передохнуть, пожалуйста, токсикоз у меня... – взмолилась Лена, прикрывая рот ладонью.

– Я тебе сейчас передохну! Я тебе так передохну, что полетишь ты у меня обратно, в Сосновку, или откуда ты сюда прикатила!

– Ну, попросите кого-нибудь, мужа, например.

– Мужа? Мужа просить гряды полоть?! – глаза свекрови округлились размером с рублёвую монету. – Да ты ополоумела не иначе?! Ну я тебе сейчас покажу, как со свекровью разговаривать.

Константиновна рванула к крыльцу, чтобы пожаловаться Ваське, но не успела войти в дом, как на пороге столкнулась с сыном.

– Васенька, ты представляешь, что твоя жена учудила? – ещё не видя лица сына, она запричитала, как потерпевшая. – Ой божечки, – опешила, когда узрела не лицо, а месиво. – Что это с тобой?

– Чего орёте, аж в доме слышно? – зевнув, Васька вынул из трико пачку папирос.

– Кто ж тебя так, сынок? – запричитала мать, кинувшись на грудь парня. – Да я им всем руки обломаю за такое отношение! Да я на них порчу наведу и заставлю молить прощения!

– Мам, отстань, дай оклематься, – отодвинув мать в сторону, Вася спустился с крыльца. – Упал лицом вниз, быва-а-ает, – сладко зевнул и сунул папиросу в рот.

– Вася, признавайся, кто тебе физиономию попортил? У меня не заржавеет, я быстро тому рога пообломаю, – спустилась к сыну, чтобы поближе рассмотреть синяки.

– Не переживай, пройдёт, – закурив, Вася покосился на жену.

Лена всё также придерживала ладонь у рта, скукожившись от воплей свекрови. Выпустив первую струйку дыма, Василий перевёл заспанный взгляд на мать.

– Чего кричишь-то?

– Картохой заниматься некому, а твоя жена отмахивается. Вася, сердцем чувствую, по миру нас пустить хочет. У меня руки уже не те, не справляюсь. Батька твой в колхозе трудится, а жена загорает. Да где это видано, чтоб молодая девка баклуши била? Да кому скажи...

– Поднимай задницу и пошла на усадьбу, – грозно приказал муж, положив руку на плечо матери.

– Так её, так, миленькую! А то ишь перечить вздумала, – свекровь заулыбалась во все двадцать зубов и погладила сына по животу. – Только ты трогать её не вздумай, а то помнишь, что с Федором жёнка сделала? До сих пор сидит, окаянный, за бабскую натуру сварливую, – шепнула ему на ушко, поглядывая на ненавистную невестку.

– Вась, помру я там. Ей-богу, помру, – заохала Лена, обхватив руками свои плечи. – Тошнит, спасу нет.

– А ведь и правда, что ты тут умирающую лебедь изображаешь? – выпустив клубы дыма, Вася выставил одну ногу вперёд. – У всех жёны, как жёны, а ты шлангом прикидываешься. Что люди скажут? Моя мать на старости лет и куска хлеба у тебя не допросится.

– Вась, – вновь зашептала Константиновна, – а синяк у неё откуда?

– А кто ж его знает. Шлындает где-то, вот и приходит с фингалом.

– У-у, стыд-то какой, а соседи подумают, что ты её таким образом приглаживаешь. Смотри мне, Вася, нам с милицией связываться ни в коем случае нельзя. Батька твой на первом счету в колхозе. Позору не оберёмся.

– Ну что ты, мам, я что, дурак что ли? Понимаю, каким трудом отец репутацию зарабатывал, – сплюнув в траву, Вася приблизился к жене, побледневшей до неузнаваемости. – Делай всё, что мать попросит. Она у меня одна, – ткнув пальцем ей в запястье, поднялся по ступенькам.

– А кто корову встретит? – охрипшим голосом спросила Лена.

– Ой, корову! – расхохоталась Александра. – И что за ней бегать? Сама придёт! Или в вашей деревне коровы обратной дороги не знают?!

Противный свекровкин хохот разлился по всему двору, и Лене стало ещё гаже. Знает ведь, что Бурёнка может уйти, куда глаза глядят. Её на верёвке надо домой вести.

– Ну? Долго ещё будешь принцессу из себя строить? – уперев руки в бока, Константиновна проводила хитрым взглядом сына, который уходил в сени. – Пока погода ладная, айда на усадьбу.

– Надо Катю с собой взять, чтобы рядом была.

– Ага, это будет не прополка, а одни гляденья за твоей девкой. Нет уж. Василий мой ответственный. И уложит, и накормит, а там и приглядит. Подымай свой зад и на картоху.

– Сейчас, только переоденусь.

Надев старенький летний сарафан, Лена повязала на голову косынку, взяла резиновые перчатки и искоса посмотрела на мужа, лежащего на кровати.

– За Катей в оба глаза смотри. Не забудь ей кашу сварить и...

– Иди уже, мораль она мне будет тут читать. Не маленький, справлюсь.

Лена вздохнула и вышла на улицу, а свекрови уже и след простыл.

– Александра Константиновна! – крикнула она, озираясь вокруг. – Где Вы?

– Не ори, не глухая, – свекровь вышла из сарая и вынесла полудохлую курицу. – Загубила птицу, хозяйка плешивая, – пробормотала сквозь зубы и бросила курицу на навозную кучу. – Всё правильно, всё верно. Вася пусть вкальвает, а ты будешь хозяйство разорять. Вот как дала бы, – замахнулась кулаком, зыркнув на невестку, и потопала к калитке, переваливаясь с одной ноги на другую, как жирная утка.

До усадьбы идти километра три, а то и все четыре. Солнце высоко, душно. Хоть бы ветерок подул, чтобы не так тяжело было. Знойное нынче лето, дождичка не дождёшься. Приходится огород поливать ежедневно. Лена шла позади свекрови, опустив голову, и думала о своей женской доле, самой свекрови, которая вроде бы и баба и должна войти в положение, но, видимо, ей аист Ваську в узелке принёс или она его нашла в капусте, если не знает, как трудно бывает беременным в такой сложный период – первый триместр. Волоча ватные ноги, девушка изредка

поглядывала в спину грузной женщины и мысленно желала ей образумиться и по-доброму относиться к невестке. Что ж за напасть такая? В доме матери ни одного хорошего словечка не слышала, а теперь и свекровь села на шею и ездит, и ездит... Учит Ваську, чтобы не дрался. Да если бы она знала, как он вечерами упражняется, что даже искры из глаз. И пожаловаться бы ей, да не примет она жалоб, наоборот – осудит.

Вот уже и часть пути пройдено, а свекровь всё молчит и топает, дыша через силу. Одышка у неё из-за жары и веса немалого.

– Может, передохнём? – жалобно спросила Лена, видя, как свекровь мается.

– Отдыхать ночью будешь. А сейчас полоть. Картохи много надо. Ай, да будто ты не знаешь? У меня столько скотины, что рук не хватает! – рявкнула Константиновна, повернув голову набок. – Чтобы зимой вкусно есть, надо летом от зари до зари шевелиться. От зари до зари...

Прищурив поросычьи глазёнки, Александра притормозила. Издалека она заприметила женщину, несущую два ведра. Женщина идёт устало, останавливается, ставит ведра на дорогу, вытирает лоб от пота и вновь хватается за ведра.

– Та-ак, – Константиновна будто хлебнула живой воды. Продолжив путь, она так бойко перебирала ногами, что даже не верилось, пару минут назад у неё не то, что ноги волоклись по земле – голос дрожал.

Спеша к путнице с ведрами, Александра замахала руками, чтобы та обратила на неё внимание, потому что путница вот-вот свернёт с дороги и коротким путём сбежит в деревню.

– Погоди-и! – голосила свекровь, задыхаясь от спешки. – Посто-ой!

Женщина встала, как вкопанная, и поставила ведра на пыльную дорогу.

– Что у тебя там? – добежав до местной зажиточной особы, Константиновна сунула любопытный нос в ведро. – Краснюки!

– Агась, – довольная улыбка расплылась на блестящем от излишней влаги лице.

– Неужто ещё не обнесли? Сама набрала? А где? – засыпая вопросами замученного грибника, Александра вытерла краем косынки мокрый рот и вытянула шею.

Услышав, в каких местах нужно искать подосиновики, зловредная свекровь закрутила головой и вытаращила глаза.

– Бросаем полоть! Бегом в лес! А то я в этом году опять без грибных соленьев останусь!

Потерев распаренную шею, Лена стояла перед свекровью и думала, как она ей надоела до чёртиков, вот как дала бы по маковке, чтобы не хваталась за все дела сразу.

– Грибы никуда не уйдут, а Ваша картошка...

– Как раз-таки в прошлом году грибочков я и не увидела, – начала кривляться Александра, обвиняя невестку в пропаже прошлогодних подосиновиков. – Мой Васенька одним местом прирос к твоей Сосновке и в лес так и не сходил.

– В прошлом году я не была с ним знакома, – утвердительно сказала Лена, поглядывая на женщину с ведрами.

– Да что ты? Тогда к кому он туда ездил?

– А мне откуда знать? – набравшись смелости, ни с того ни с сего Лена поставила ультиматум. – Или на картошку, или я иду домой.

– Ох ты, как заговорила, миленькая, – скорчив гадостливую рожицу, Константиновна скрючила пальцы и помахала ими перед лицом невестки. – Ты мне тут условия ставить будешь? – повернула голову на грибника и произнесла приторно-ласковым голосом. – Иди, Глашенька, и спасибо тебе.

Потом опять наехала на Лену.

– Ты почему меня перед людьми позоришь? А? Как тебе совести хватает мне такое говорить?

– А что я такого сказала? Поправила Вас, и всего-то. Вы, видимо, запомнили, что я к вам приехала несколько месяцев назад, и в прошлом году я вашего Васю не знала.

– Да ты посмотри на неё! Я ей слово, а она в ответ дерзит!

– Неправда ваша, не дерзила я. Сами подумайте, вся деревня знает, что мы поженились недавно, а вы своего Васю перед тётей Глашей дураком выставляете, вот я вас и остановила.

– Да каким дураком-то? – взбесилась женщина.

– Обыкновенным, – пожалала плечами Лена. – А если не дураком, так себя – дурой.

– Да ты белены обожралась или тебя злая муха укусила?!

– Я что Вам объясняю. Вы не кричите, а прислушайтесь. Мы с Васей не знали друг друга в прошлом году, а Вы тёте Глаше другое рассказываете. Вот, что она сейчас подумала? Уверю Вас, она решила, что у Вас болезнь старческая. Вы же сами знаете, как быстро расходятся сплетни в деревне.

– Ась? – обмозговав речь пламенную, Александра чуть не села на жопу, прямо тут, на дороге. – Ну-у девка... ну голова-а-а, – пробормотала она, уставившись в одну точку. – А ну их к лешему, грибули эти, пойдём-ка лучше домой.

– С чего вдруг? А как же усадьба?

– Пару деньков подождёт твоя усадьба, – махнула рукой свекровь. – Мы сейчас к вам пойдём. Хочу с Васенькой покалякать да кое-что узнать.

Константиновна обошла невестку и направилась в деревню, рассуждая вслух, у кого это её сынок гостил, когда в Сосновку наведывался. Неужели соврал матери, что познакомился там с девушкой и готовится сватов созывать? Или Ленка и правда что-то привирает, или Васенька из матери дурочку делал. Слишком уж дотошная Александра. Даже если с какого-нибудь события годы пройдут, и она узнает правду, всё равно будет допытываться, чтобы виновника вывести на чистую воду. Торопясь к сыну, женщина резво размахивала руками и продолжала бубнить. Лена шла позади, цепляясь взглядом за толстые ноги свекрови и думая о том, что они выглядят нездоровыми.

– Что с ней сделала тяжёлая работа, – нечаянно сказав вслух, мгновенно замолчала.

Но Александра не услышала её и слава богу. Свернув на улицу, где стоит дом сына, Константиновна пропустила мимо ушей оклик, а позади бежала молодая девушка и звала Лену.

Лена обернулась.

– Я вас зову-зову! – подбежав к Елене, она хватала ртом воздух и смотрела на неё округлившимися глазами.

– Чего тебе? – сердито спросила Александра.

– Лена, беги скорее, у тебя дома... беда.

– Какая ещё беда? – выдавила из себя Елена, крутя в голове различные страшные мысли.

– Дом у вас погорел. Пётр успел ребёнка вытащить, а вот Василий... – и девчужка замолкла, опустив глаза.

– Что с Васькой?! – заверещала Константиновна, схватив девчонку за плечи. – Говори! Не молчи, окаянная!

– Его в больницу забрали, – виновато прошептала она и попятилась назад.

– О-ой, Васенька-а! О-ой, родненьки-ий! – сорвав с головы косынку, Александра поспешила к дому сына.

Лена не отставала. Обогнав свекровь, она подлетела к калитке и взглянула вверх. Крыша дома дымилась еле-еле, будто её подожгли только что. Рамы на окнах почернели, а дом выглядит вполне целым. Забежав внутрь, она почувствовала запах горелого. Удушливая вонь пробралась в горло и вызвала частый кашель. Прикрыв рот рукой, Елена прошла в комнату. Перед её слезившимися глазами предстала мрачная картина: изрядно подгоревшие одеяло и подушки валялись на кровати, покрытой копотью, детская кроватка тоже была задета огнём

– все перегородки покрылись чёрным налётом, на полу лежали обгоревшие трико, а у ножки кровати стояла открытая бутылка водки.

– Господи, беда-то какая! – голосила свекровь, влезая на крыльцо. – Кто поджог? Кому руки переломать? Вася-а-а! Васенька-а-а!

Ввалившись в дом, Александра глотнула удушливого воздуха и сразу закашлялась. Слёзы потекли ручейкам по розовым щекам, женщина вломилась в комнату.

– Чего стоишь? Чего смотришь, чувырла сосновская? Если бы не ты, то жил бы мой Васенька в моей хате! Из-за тебя он в колхозе дом попросил, чтоб он сгорел дотла, домина это-от... Чего встала? Собирай целёхонькие вещи и пойдём к нам! – толкнула локтем девушку. – Здесь неделю будет выветриваться, а ты моего внучка носишь, чтоб у тебя руки-то поотсохли-и.

– Я к Пете, – сквозь руку прошептала Лена, после чего получила порцию обвинений, мол, правду люди говорят, что между ней и соседом что-то есть. – Разве Вы не слышали, что Вера сказала? Петька Катю из горящего дома вытащил.

– А-а, это ты сразу услышала, а то, что мой Васенька обгорел, мимо ушей пропустила?! – завизжала свекровь, размахивая кулаком. – Где Васькины вещи? Сама соберу! А ты свои соби-рай собственноручно! Я тебе не рабыня!

– В шкафу найдёте, – развернувшись, Лена ушла к соседям.

Там её ждали презрительные взгляды Клавды и бабушки Нюры, которая самолично видела, как из хаты валил дым, и подняла крик. Войдя в дом, Лена бросилась к дочери, сидящей на коленях Клавды.

– Где тебя носило? – рыкнула озлобленная Клавдия, передав ребёнка из рук в руки. – Оставила Катьку Ваське... Ты что, забыла, что он пьющий?

– Меня свекровь на картошку позвала, – еле слышно ответила Лена.

– Какая картошка в такую-то жарень? – возмутилась Нюра, допивая прохладный морс. – Что-то ты мутишь, девонька. Вроде бы умная, а прикидываешься дурочкой. Я Шурку с детских лет знаю, она никогда в жару на картоху не ходила, даже, когда мамка её зазывала. Где была? Почему дитё без пригляду?

– Я же Вам говорю, свекровь приходила. Да она и сейчас в доме, Васькины вещи собирает, можете сходить и спросить.

– Ты посмотри на неё, ишь какая. – Нюра осматривала Лену с головы до ног и морщила лоб. – То-то в вашем доме нет сладу. Значит, Васька правильно делает, что изредка поколачивает. – Глядя на синяк под глазом, бабуля довольно улыбнулась.

Лена пристально посмотрела на старуху и спросила у Клавды о её муже.

– А зачем он тебе? – сердито спросила соседка, сощурилась поросычьими глазами.

– Хочу сказать ему спасибо, – Лена прижимала к груди дочь и вдыхала запах дыма от её жидких волосёнок.

– Я сама передам, – сквозь зубы процедила Клавка. – Иди уже. И получше за ребёнком приглядывай.

Почувствовав неприязнь, исходившую от соседки, Лена вышла на улицу. Что это с Клавдой? Почему вела себя так, будто Лена пришла денег занять, а прошлый долг не вернула? Лена медленно переставляла ноги и думала то о нервной соседке, то о психованной свекрови. Дал же бог родственничков, что и представить тошно: мать, отец, отчим, свекровь – все, как на подбор; злые, голосистые, завистливые и слишком характерные. Прижимая засыпающую дочь, Лена подходила к калитке и жутко боялась войти в дом, зная, что там, в шкафу, копошится Александра Константиновна. Сейчас увидит её, а та что-нибудь ляпнет, да ещё и проклятий нашлаёт. Давно бы утопилась, да Катьку не бросишь. Кому нужна чужая девчонка, если только родной матери...

– Как же я устала, – прошептала Лена сквозь слёзы. – Никто меня не любит, никто не уважает. Знай себе орут, сплетничают и тыкают в лужу, как плешивого котёнка.

– Чего встала? – из окна выглянула свекровь. – Иди, помогай! Я что ли буду твоё тряпье выбирать? Здесь вся одежда провоняла! Тащи свои кости и перебирай: что с собой возьмёшь, а что выкинешь! Девку на землю опусти, большая уже, чтобы на руках таскать! У-у, чувырла! – помахала кулаком. – Таковую же вырастишь, как и сама – дурынду неотёсанную!

Опустив глаза на дочь, Лена открыла калитку и вошла во двор, ощутив полнейшую пустоту в груди. Почему-то именно сейчас ей стало безразлично, что будет с этим домом, выживет ли Васька, и как громко будет вопить свекровь, если Лена возьмёт и даст заднюю.

– Катя, я тебя больше жизни люблю, – прошептала Лена, тихо роняя слёзы на белобрысую макушку девочки. – Знай, кроме тебя, роднее никого нет. И помни, я желаю тебе только добра.

Поставив ребёнка на ножки, Лена вытерла слёзы, выдохнула и собралась уходить.

– Мама, – подняв голову, еле слышно прошептала Катюша, будто чувствуя, что она оставляет её на попечительство дрянной старушки.

Но Лена, зайдя за калитку, даже не обернулась. Опустив глаза, она вышла на дорогу.

– Ты меня встречаешь? – раздался радостный женский возглас. – А я тут у вас заплуталась совсем! Пока старушку одну не встретила, и она подсказала, куда мне идти!

Подняв голову, Лена вначале улыбнулась, а затем расстроилась, увидев младшую сестру Нюру.

«Зря ты приехала», – подумала она, сглотнув комок в горле.

– А это ещё кто? – а вот и свекровушка, будто нутром чувствует, выползла на свет божий. – Ленка, ты что там лясы точишь? Быстро сумки выноси! Я уже не в том возрасте, чтобы за тобой котомки таскать! Чего стоишь? Я кому сказала? Мне надо Васеньку навестить, а ты время тянешь, как кот за причиндалы! Быстро за манатками, иначе я за себя не отвечаю!

– Свекруха что ль твоя? – с сарказмом задала вопрос Нюра. – Сразу видно, её рожа просит кирпичика. А вы что, переезжаете?

– Ленка, в мозгах твоих пенка! Оглохла или прикидываешься?! – верещала Константиновна, выглядывая в открытое окно.

– Ну точно, свекруха, – хихикнула девушка и взяла сестру за руку. – Достала, да? Не переживай, я её сейчас быстро на место поставлю.

– Ты зачем приехала? – Лена смотрела как будто сквозь сестру и не верила своим глазам.

– Как зачем? А вообще... – замаялась Нюра и втянула губу. – Ты знаешь, я там отчима чуть не пришибла. Короче, мне теперь жить негде.

– Как?

– Да он пристал, а мамки дома не было. Ну я и... в печке сковорода стояла. Я её схватила, размахнулась и...

– Покалечила?

– Да что с ним станет? Так. Слегка мозги на место вставила. Видимо, они у него скособочились, а теперь лежат, как надо, – хихикала девушка, косясь на бабу, орущую в окне. – А чего ей надо-то? Ты с ней что ль живёшь?

– Дом внутри обгорел. Теперь придётся к свекрови переходить на несколько дней, – разочарованно произнесла Лена и обернулась.

Константиновна махала кулаком, орала, как потерпевшая, и грозила оттащить Лену за сивые патлы, если та не вернётся и не вынесет сумки. Заметив дочь, прижавшуюся лицом к прутьям, Елена наконец пришла в себя.

– Катюша! – побежала к ребёнку, который смотрел на маму и тихонько всхлипывал.

Подхватив дочь на руки, Лена начала рьяно целовать её и приговаривать:

– Никогда тебя не брошу, солнышко ты моё. Никому тебя не отдам.

Подойдя к сестре, Нюра смотрела на племянницу с интересом. Вроде всё такая же, но что-то в ней изменилось. А вот что – непонятно.

– Слышь, чувырла?! – высунувшись по пояс из окна, Александра заорала ещё громче. – Ну только Вася приедет, я ему всё доложу! Я всё о тебе скажу, какая ты на самом деле есть! Только муж за порог, так жёнка зубы начала его матери показывать! Вот ехидна же ты, а! В тихом омуте! Перед Васенькой кроткую овечку из себя разыгрывает, а как его рядом нет, так сразу бесовщина из тебя и лезет!

– Да закрой ты свой рот! – терпение у Нюры лопнуло. Ей в родном доме склоки между матерью и отчимом надоели, а тут ещё какая-то сморщенная квашня голосит так, что уши сворачиваются.

– А ты ещё кто такая?! – понизив тон, Константиновна вылупилась на хамоватую девицу. – Пошла вон со двора! Ты кто есть-то?

– Я-то? – поставив руки на бока, Нюра приподняла увесистую грудь. – Сестра Лены, вот кто!

– А кто тебя сюда звал? Кому ты сдалась, малахольная?! Иди подобру-поздорову! А то я за себя не отвечаю!

Обойдя вокруг ссутулившейся Лены, Нюра цокнула языком и натянула самодовольную ухмылку.

– Не пугай! Пуганая!

– Ты посмотри на неё, а! Ишь какая ехидна выискалась! Совести у тебя нет! Как ты со старшими разговариваешь, а? Мамка, что, не научила уважению? – визг свекрови стоял на всю улицу, и из своих домов повыглядывали соседи, те, что давно на пенсии и дюже любят наблюдать за ссорами со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.